Прогресс или эволюция крестьянского хозяйства
(по поводу книги Л.Н. Литошенко)

Н.П. Макаров

Публикуется статья выдающегося российского экономиста-аграрника, представителя организационно-производственной школы 1920-х годов Николая Павловича Макарова (1887–1980), написанная в 1923 году в ответ на книгу Льва Николаевича Литошенко, в которой с позиций экономического либерализма критиковалась теория крестьянского хозяйства организационно-производственной школы. Ранее данная статья не публиковалась, подлинник документа хранится в Российском государственном архиве экономики. Статья посвящена разъяснению позиции организационно-производственной школы по некоторым дискуссионным социально-политическим аспектам экономической теории сельского хозяйства. Публикация призвана стимулировать исследования по теории и истории организационно-производственной школы и истории российской экономической мысли. Публикация подготовлена Т.А. Савиновой.

Ключевые слова: история экономической мысли, организационно-производственное направление, крестьяноведение, аграрный капитализм, Н.П. Макаров, Л.Н. Литошенко

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-1-27-33

«Философия истории резко отграничивает друг от друга понятия эволюции и прогресса»[1*]. Изучая эволюцию, мы пытаемся уподобляться бесстрастным существам; изучая прогресс, мы пытаемся найти путь к лучшему, к идеалу, или по меньшей мере мы пытаемся оценить факты с точки зрения наших идеалов.

Мы очень часто повинны в том, что стараясь бесстрастно изучать исторический ход вещей, мы почти незаметно для самих себя (или для других) вплетаем в наш анализ наши симпатии или антипатии, наши положительные или отрицательные оценки. Осознание этого оценочно-психологического процесса — одна из труднейших задач исследователя, главная цель которого — познать историческую действительность или найти закономерность в ее сменах[2].

Но еще труднее положение политика, задавшегося целью иметь теорию прогресса, или задавшегося целью оценить жизнь с точки зрения прогресса.

---

1. **Литошенко Л.Н.* (1923). Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства. С. 1.
2. Здесь и далее подчеркнуто автором.

Строя теорию прогресса, равно как оценивая жизнь, мы должны оставаться нашими ногами на земле. Говоря, например, о русском крестьянском хозяйстве, может быть, можно было бы мечтать о том, чтобы каждая крестьянская семья имела бы свой небольшой, чистый, красивый, уютный дом (в 4–6 комнат), с кухней, ванной, телефоном, электрическим освещением, с автомобилем, с хорошо организованным хозяйством, берущим не более 2–3 часов работы зимой и 5–7 летом и позволяющим хозяину широко удовлетворять не только его материальные, но и умственные и эстетические потребности, окончить университет, отдать детей в университет, заниматься наукой, искусством, участвовать в живой, бодрой местной общественной жизни и т.д., и т.д. Разве такой уклад жизни не основа для многостороннего прогресса личности крестьянина? Но если это факт — почти реальность для многих фермеров Нового Света, то это же мечтание звучит злой иронией для большинства крестьянских хозяйств России. В наших задачах для прогресса мы не только не свободны от жизненной реальности, но, наоборот, она заставляет нас выбирать одни цели, считая несбыточными другие. Тут мы подходим к самому трудному, к выбору наших оценок, их принципов и тех целей и идеалов, к которым мы хотели бы вести других...

В этом выборе мы и свободны, и не свободны. Выбранный идеал — наш, насколько мы его хотим, мы его выбрали, мы его выдумали или приняли, и в то же время он не наш, поскольку мы сочетаем наш выбор, нашу выдумку, наше хотение с условиями возможности, осуществимости, реальности или нереальности.

Пускай мы дерзки и свободны в выборе идеалов и хотим, например, превратить Россию в Америку. Поставим конкретнее этот вопрос о свободе и несвободе в выборе прогрессивных заданий для экономической политики крестьянского хозяйства.

Предположим для простоты, что в нашей стране 100 миллионов населения, из них 18 миллионов живут в городах, 82 миллиона — в деревнях, занимаясь преимущественно сельским хозяйством. Что надо бы сделать для превращений? Из 82 миллионов сельского населения мы должны бы прогнать в города около 32 миллионов, в индустрию и торговлю (напомним, что современный город содержит 18 миллионов). Тогда мы создадим рынок для сельских продуктов, а землю освободим от излишних работников, требующих введения «вынужденной интенсификации», но остающаяся масса в 50 миллионов сельского населения справится со своей задачей, если мы снабдим ее всей необходимой суммой современных технических знаний и всем необходимым капиталом. Мы не беремся подсчитывать, что стоило бы стране это техническое самообразование, но относительно увеличения затрат капитала нетрудно сделать хотя бы и самые грубые предположения. Считая, что в среднем русском крестьянском хозяйстве было заложено капитала на сумму 2000 рублей, мы должны будем перейти к типу

хозяйства с емкостью капитала в среднем не менее 20 000 рублей. При наших сделанных выше предпосылках мы переходим от 32 миллиардов рублей народнохозяйственного капитала, вложенного в сельское хозяйство, к 200 миллиардам рублей, увеличение — на 167 миллиардов по сравнению с предварительной затратой всего в 32 миллиарда должно заставить нас задуматься не менее, чем добавочное изгнание из деревни в город 32% сельского населения. При всех здоровых предпосылках С[еверная] Америка проделала такой процесс переброски населения почти в полстолетия. Но у нее была чистая площадь, у нее не было тяжелого исторического наследия, как, например, малоземельного населения, она очень рано стала страной богатой, растущей демократии. Изгнание из русской деревни 32% населения и придание ей в то же время добавочного капитала в 5 раз большем размере, чем тот, которым она вся располагала до предполагаемого изгнания — это, может быть, увлекающая идея, на которую еще никто не решался, но чрезвычайно далекая от жизни. Для этого нужна не одна революция, не одно народное бедствие, но они не могут сопровождаться нужным ростом экономической мощности города и деревни. Или для этого нужен экономический расцвет города, в несколько раз более быстрый, чем он был, например, в С[еверной] Америке. Нужна невероятная мощь экономического всасывания в себя населения, не только покрывающая естественный прирост населения и города и деревни, но и вытягивающая из деревни 32% населения страны. Надо только продумать темп таких исторических процессов — такой быстроты история еще не знала, даже и в странах Нового Света, в которых прилив капитала шел впереди прилива людей к земле. Итак, все это предположение, если и мыслимо, но не реально в своем осуществлении.

Еще мыслим другой путь — это путь невероятной технической революции в сельском хозяйстве. Это не та техника, которой обладает Западная Европа или Новый Свет, это какая-то еще неизведанная миру техника, которая дала бы семье, сидящей на 3–6–10 десятинах все нужное ей богатство, но и здесь опять вопрос о потребном капитале, о потребных рынках для небывалой массы продуктов. Никто не может сказать, что такой техники никогда не будет, но мы ее не знаем, и она не может входить в наши предположения. А пока, увы, если и нет закона убывающей производительности затрат труда и капитала при интенсификации сельского хозяйства, то реальный факт убывающей производительности встречается слишком часто. «Рациональная интенсификация» не является господствующим типом интенсификации (в частности, и в Германии).

Итак, будем мы держать перед собой или нет начерченный выше идеал благоденствия крестьянской массы, а жизнь, и трудная жизнь, остается реальностью вокруг нас. Бедные, равно как и «потребительно-трудовые» хозяйства остаются в деревне, и некуда уйти от них, и нет таких магов, которые благодаря

революции в технике могли бы перевести их всех в состояние хозяйств наивысшей оплаты труда и дохода указанного выше размера. А если так, то надо принять жизнь как она есть и помогать ей, исходя из нее. Обратимся же к жизни.

Перед нами остается основная масса русских крестьянских хозяйств, не менее 80% которых могут быть названы хозяйствами «потребительно-трудовыми». Так мы их называем не потому, что они «не хотят на единицу затрат получить наибольший доход» или быть «экономическими людьми». Этого хотят все люди. Они живут потребительными мотивами в силу того факта, что обычно жизнь не развертывает перед ними других перспектив. Вероятно, тот же человек будет стремиться к другим хозяйственным заданиям, если бы он жил в других условиях. Совершенно также в прежнее время русскому чиновнику, получавшему свое жалование каждый месяц, была чужда психология хозяина-предпринимателя, хотя он, наверное, обладал всеми признаками экономического человека (стремясь к большему эффекту на единицу затрат и т.д.), ему его хозяйственная психология не давала повода к развитию предпринимательской психологии. В этом же положении был и рабочий. Аналогичное положение устанавливает Зомбарт[3] для средневекового ремесленника, хотя и он обладал достаточным запасом характеристик экономического человека. Устойчивое, налаженное крепостное хозяйство руководствовалось своими хозяйственными мотивами.

Каждая хозяйственная историческая среда создает свои хозяйственные мотивы, свою хозяйственную психологию, а следовательно, и свои хозяйственные мотивы. Назовите это, если хотите, «психологией факта»; пускай крестьянин из потребительно-трудового хозяйства не стремится к накоплению «свободных излишков» поверх расходов на удовлетворение личных потребностей не потому, что он не хочет, а потому, что он не может; длительно пребывая в таком положении, «не может», он мыслит и «волит» так, как ему диктует его психология (что не мешает быть экономическим человеком). Понятие «экономического человека» модифицируется в каждой исторической конкретной хозяйственной среде и теоретик-экономист, равно как и политик-экономист не вправе игнорировать этой исторической модификации.

На некоторой ступени увеличения такого хозяйства оно может уйти из психологической орбиты потребительно-трудового хозяйства; от этого исследователю не становится легче, он не может забывать психологию, а исходя из нее и организационного плана потребительно-трудового хозяйства. Но с того момента, как хозяйство перестало быть потребительно-трудовым и стало,

3. Вернер Зомбарт (1863–1941) — немецкий экономист, представитель исторической школы в политэкономии, социолог, историк и философ культуры.

например, переходным трудовым-капиталистическим, многое меняется в психологии хозяина, меняются его мотивы вместе со сменами в его возможностях; исследователь тоже должен изменить свое понимание этого хозяйства. Он должен подкладывать для объяснения внутрихозяйственных явлений не то, что ему нравится, а то, чем живет само хозяйство, т. е., в частности, его мотивы.

К этой переходной группе хозяйств реально вполне приложимо внутреннее понимание их как хозяйств, стремящихся к возможно большему получению «свободного излишка». Такое стремление может быть и в потребительно-трудовом хозяйстве, но не оно в нем доминирует, не им оно руководствуется, но капиталистически-трудовое хозяйство будет вполне уже регулироваться и жить этим мотивом. И в этом отношении концепция Л.Н. Литошенко ценна, как дающая понимание психологии этой группы хозяйств, также как организационно-производственная школа русских сельскохозяйственных экономистов пыталась дать понимание психологии потребительно-трудовой группы хозяйств. При этом не надо забывать одного основного положения: количественного и социального значения капиталистической трудовой группы хозяйств в России.

Согласно прежним земским исследованиям капиталистическая трудовая группа хозяйств редко где в России составляла свыше 15–20% всей массы хозяйств. Так было главным образом на юге и юго-востоке России. В большинстве же районов можно считать, что этот % хозяйств опускался до 4–5%, а то и до 1–2%. Количественная роль этой группы хозяйств была невелика, еще меньше она стала в итоге всей революции, гражданской войны и голода. Не приходится увлекаться и социальным значением этого хозяйства. Оно было прогрессивно во всем том, что обозначало экономию его в рабочих силах, но организационный план своего хозяйства оно имело иной, чем основная масса потребительно-трудовых хозяйств. Это различие было таково, что в случае своего развития потребительно-трудовому хозяйству не приходилось заимствовать во многом в организационном плане хозяйства. На целом ряде здоровых хозяйственно-психологических переживаний этого типа хозяйств мы сейчас не останавливаемся подробно, считая нужным подчеркнуть их социологическую ценность.

Вот к этой-то группе хозяйств вполне приложима характеристика Л.Н. Литошенко, как хозяйств, стремящихся к образованию чистых остатков в валовом доходе поверх покрытия расходов на удовлетворение личных потребностей. Другой вопрос, насколько этот мотив является главным и определяющим в хозяйственной психологии этого типа хозяйства. Этот вопрос мы считали бы пока открытым, т. к. для нас работа Л.Н. Литошенко является первой серьезной работой, ставящей анализ этого вопроса не по шаблону марксистов. Это лишь ценное начало, восполнение бывшего пробела

в теоретическом понимании капиталистического трудового типа хозяйств в русской литературе.

Но было бы ошибкой думать, что распространение «приобретательского типа» хозяйства кончается вместе с исчезновением капиталистического трудового типа хозяйства. Между капиталистическим трудовым и потребительно-трудовым хозяйством мыслимо существование такого трудового типа хозяйства, которое имеет настолько значительный доход, что не только широко и достаточно удовлетворяет свои личные потребности, но и получает свободные излишки. Количественно эта группа обычно невелика, из нее легок переход в капиталистический трудовой тип, ибо свободные излишки очень способствуют расширению производства за пределы трудовых сил семьи. Но фактически весьма малая доля хозяйств потребительно-трудового типа попадает в это положение. Уровень удовлетворяемых потребностей величина крайне эластичная и обладающая почти неудержимой склонностью к росту. Впрочем, вопрос о количественной роли чисто трудовой группы хозяйств, живущей только духом «приобретательства» — требует еще своего энергического исследования, также как необходимо исследование организационного значения этого мотива. При всем же этом ничуть не следует стирать индивидуальные психологические краски с разных хозяйственных групп. Каждая из них ценна для понимания своей группы в углублении нашего анализа и понимания.

Таким образом, обладателями «двух душ» (потребительской и приобретательской) являются не все крестьянские хозяйства, а лишь некоторые группы из них: группы переходного типа, равно как и группы хозяйств смешанного типа (капиталистического трудового).

Организационно-производственная школа русских экономистов была повинна в сосредоточении своего анализа на потребительно-трудовом типе. Вдумчивое и критическое отношение к работе Литошенко должно заставить перейти к такому же анализу и других групп, учитывая их индивидуальные групповые особенности, но и обратно — вдумчивое отношение не должно бы позволять попросту отвергать потребительно-трудовую точку зрения, только из-за того, что нам больше нравится «здоровый» накапливатель свободных излишков.

Совершенно так же и в экономической политике можно мечтать из каждого крестьянского хозяйства сделать хозяйство богача, можно исключительно ценить хозяйства, полные духом приобретательства, но нельзя в жизни игнорировать главную массу хозяйств потребительно-трудового типа. Укрепление этих хозяйств путем содействия и работы над ними может быть покажется недопустимым для любителя приобретательского духа. На самом деле, если эти любители не ослепляют себя чувством социальных симпатий или антипатий, они должны будут дать образование, кредит, техническую, кооперативную и иную помощь

именно этим основным группам крестьянского хозяйства. Иначе Россия не только не придет к идеалу мечтателей, но она не придет и к более скромному прогрессу, она потонет в нищете и мраке.

Основной объект русской экономической политики и ее помощи — это массовое потребительно-трудовое крестьянское хозяйство, до самых его низов включительно. Это не обозначает отказа в этой помощи верхам деревни или какому-либо социально-экономическому типу сельского хозяйства. Нет единой формулы эволюции для социальных форм сельского хозяйства. Каждый раз должна быть осознана ценность каждой социальной группы хозяйств для прогресса всей страны. В этом сопряженном учете задач прогресса, среды и состояния той социальной массы, которую хотят вести по путям прогресса, и состоит главная теоретическая задача разумной экономической политики.

Н. Макаров
РГАЭ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 26а. Машинопись.

Progress or evolution of the peasant economy (on L.N. Litoshenko book)

N.P. Makarov

This article of the outstanding Russian agrarian economist and representative of the organization-production school of the 1920s Nikolai Pavlovich Makarov (1887–1980) was written in 1923 as a response to the book of Lev Nikolaevich Litoshenko criticizing the theory of peasant economy of the organization-production school from the economic liberalism perspective. The article has not been published before and is kept in the Russian State Archive of Economics. The article clarifies the position of the organization-production school on some debatable social-political aspects of the economic theory of agriculture. This publication aims at stimulating further research on the theory and history of the organization-production school and the history of the economic thought in Russia. The publication was prepared by T.A. Savinova.

Keywords: history of economic thought, organization-production school, peasant studies, agrarian capitalism, N.P. Makarov, L.N. Litoshenko